

# Исследовательские работы стипендиатов Программы Центральной Азии

№ 7, Март 2015 г.



## Цитирование квотирования: Политическая представленность женщин в Кыргызстане во время созывов 2007 и 2010 гг.

*Наталья Захарченко<sup>1</sup>*



**Наталья Захарченко** (Кыргызстан), выпускница Академии ОБСЕ в Бишкеке. Наталья работала в Норвежском хельсинкском комитете, Норвежском институте международных отношений, а также в МИД КР. В настоящий момент исследователь занята в качестве гендерного эксперта в проекте ПРООН и одновременно предоставляет консультации в проведении базового исследования Фонду миростроительства в КР. Наталья Захарченко имеет публикации в области миграции и управления водными ресурсами в Центральной Азии.

---

<sup>1</sup> Неофициальный перевод с английского языка, в редакции автора

Участие женщин в политике широко признается международным обществом в качестве важной и необходимой составляющей современных политических процессов. Пекинская декларация и Платформа действий от 1995 года определили политическое участие женщин, как ключевую проблемную область, и призвала государства принять меры для обеспечения равного доступа женщин и полноправного участия в структурах власти и принятия решений. Продвижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин также стало частью повестки Целей развития тысячелетия (Крук, 2010 г.). Тем не менее, как в развитых, так и в развивающихся странах, женщины, по-прежнему, недостаточно представлены в правительстве и на государственных выборных должностях.

Очень немногие страны могут продемонстрировать гендерное равенство, когда дело доходит до законодательных органов.<sup>2</sup> В среднем только 22% женщин представлены в национальных парламентах во всем мире (сайт МПС).<sup>3</sup> Гендерные квоты стали популярным инструментом для устранения этого дисбаланса. Такие страны, как Босния, Уганда и Швеция, ввели обязательные или добровольные квоты для парламентских выборов.<sup>4</sup> Большая часть литературы в эти дни сосредоточены на вопросе «Насколько эффективны существующие квоты?» По мнению некоторых экспертов, введение системы квот в «традиционных» обществах создало новые, и, возможно, даже большие, вызовы для расширения возможностей женщин и в некоторых случаях поспособствовало маргинализации и стигматизации женщин (Дахлеруп, 2003 г).

Кыргызстан - страна, где традиционно доминируют мужчины - ввел 30% гендерные квоты в 2007 году, и в этом случае представляет собой интересный случай для изучения вопроса негативного или же позитивного влияния квот в процессе расширения прав и возможностей женщин. Данное исследование обнаружило, что квоты (даже в достаточно традиционных сообществах – какое представляет Кыргызстан) способствуют укреплению прав и возможностей женщин. В то время как квоты не являются панацеей, они помогают увеличить число женщин в директивных органах и изменяют повестку рассматриваемых вопросов.

В Кыргызстане движение по расширению возможностей женщин и гендерного равенства представляло собой медленный и болезненный процесс, полный препятствий и проблем. В конце 1990-х годов Кыргызстан являлся так называемой моделью демократии в Центральной Азии (Андерсон, 1999 г.). Женщины были представлены в парламенте страны во всех созывах, начиная с момента обретения независимости в 1991 году, пока выборы 2005 года не привели к тому, что ни одна женщина не была избрана в Жогорку Кенеш. Эта беспрецедентная ситуация привлекла внимание национальных и международных активистов, экспертов и политиков, которые призывали к введению мер

---

<sup>2</sup> Парламент Руанды состоит из 64% женщин и занимает первое место по количеству женщин-парламентариев. Страна имеет 30% законодательную квоту для женщин; Боливия занимает второе место с 53% женщин в парламенте и 50% избирательной квотой для женщин. Андорра занимает третье место с 50% женщин и не имеет системы квот. Босния занимает 62-е место и имеет обязательную гендерную квоту в 40%, однако только 21% парламентариев составляют женщины. Уганда занимает 24 место, женщины представляют 35% парламентариев. Имеется система квот. Швеция занимает шестое место и 44% парламентариев составляют женщины. Швеция имеет систему добровольного партийного квотирования.

<sup>3</sup> <http://www.ipu.org/wmn-e/world.htm>

<sup>4</sup> Трудно подсчитать число стран, которые ввели квоты. Проект по оценке квот насчитывает 40 стран с законодательными квотами (на 2006 год). Кроме того, сообщается, что в более, чем 50 странах политические партии добровольно приняли систему квот. См. <http://www.quotaproject.org/>

для обеспечения участия женщин в будущих созывах. Усилия не прошли даром: в 2007 году вводятся 30% гендерные квоты, и женская представленность увеличивается с 0% до 26,6% в созыве парламенте этого же года.<sup>5</sup>

В данной статье рассматриваются и сравниваются женщины, избранные в созывах 2007 и 2010 годов, их профессиональный профиль и законодательная деятельность.

В то время как выборы 2007 и 2010 годов проходили в контексте абсолютно разных условий - выборы 2007 года, по сути, послужили плебисцитом для президента К. Бакиева, а выборы 2010 года наблюдали жесткую конкуренцию с участием не менее, чем 29 политических партий - сравнение законодательной ветви власти 2007 и 2010 годов является, в любом случае, ценным, особенно относительно картины участия женщин.<sup>6</sup>

Данная статья утверждает, что в то время как некоторые из традиционных барьеров для входа в политику все еще остаются, гендерные квоты ввели новые механизмы для набора женщин, и привели новые категории женщин-парламентариев к власти. Это также привело к диверсификации их законодательной деятельности. В целом, гендерные квоты успешно увеличили количество женщин и разнообразили их законодательную активность.

### **Введение гендерных квот: формула успеха**

Квоты, принятые в Кыргызстане в 2007 году, являлись гендерно-нейтральными и установили минимальную представленность для обоих полов на уровне 30%. Несмотря на нейтральный характер, закон был принят для решения вопроса нулевой представленности женщин по результатам парламентских выборов 2005 года.

Гендерные квоты появились в результате переговоров с Президентом Кыргызской Республики, Курманбеком Бакиевым, и представителями форума женщин страны. Последний был создан несколькими женскими НПО при поддержке международных организаций. Квоты, также известные как «кандидатские квоты», требуют того, чтобы в партийных списках на выборах одно из трех мест было зарезервировано за непредставленным полом (Кыргызская Республика, 2007 г.). Новые избирательные правила были впервые приняты на референдуме в 2007 году и вписаны в Конституцию в июле 2011 г. В дополнение к гендерным квотам, закон также установил 15% квоты для этнических меньшинств и молодежи (в возрасте до 35 лет).

---

<sup>5</sup> Айдай Бедельбаева и Жылдыз Куватова, "Расширение политической представленности женщин в Кыргызстане", ПРООН, (11 августа 2010 г.),

<sup>6</sup> Выборы 2007 года были ни свободными, ни справедливыми. Миссия по наблюдению за выборами ОБСЕ сообщила, что были "задержки и непрозрачное объявление общенациональных данных о явке избирателей и предварительных итогах Центральной избирательной комиссией (ЦИК), а также несоответствия между предварительными и окончательными итогами выборов" (ОБСЕ 2008 г.; Джураев 2012 г., 5). Как отмечает Шаирбек Джураев (2012 г., 5), выборы состоялись, практически, в условиях полного отсутствия конкуренции, и большинство мест в парламенте были заполнены в соответствии с уровнем поддержки, оказываемой президенту и его партии Ак Жол. Интервью с М. Тюлегеновым, заведующим департаментом международной и сравнительной политики Американского Университета в Центральной Азии, от 05.08.2012 г.. Кроме того, был принят закон, который ограничивает количество занимаемых мест какой-либо политической партии до 65 из 120 в Парламенте (Джураев, 2012)

В результате введения квот, число женщин в парламенте страны выросло от 0% в 2005 году до 26,6% в 2007 году. Пропрезидентская партия, Ак Жол, которая была создана непосредственно перед выборами, выиграла 71 из 90 (79%) мест в парламенте. Из 23 избранных женщин 18 представляли именно упомянутую партию (ОБСЕ, 2008 г.). В итоге, Процент же избранных в парламент женщин составлял 23% по результатам парламентских выборов 2010 года. Все партии, принявшие участие в выборах, заполнили обязательные кандидатские квоты в партийных списках, однако несколько женщин-парламентариев покинули свои посты сразу же после выборов или немного позднее, и были заменены на мужчин. Это привело к падению общего процента женщин-парламентариев до 21% к сентябрю 2012 года.

Представленность женщин в парламенте Кыргызстана 2010 года сильно варьируется от партии к партии. Ата-Журт - партия с большинством депутатов (всего 28) – представлена четырьмя женщинами-депутатами, что составляет 14% от числа депутатов партии; процент, гораздо меньший необходимых 30% квот. Социал-демократическая партия (СДПК) ближе всех приблизилась к 30% минимуму, с 7 женщинами из 26 избранных депутатов. Отставка женщин-парламентариев и отсутствие механизма обязательной замены парламентариев, ушедших в отставку, на парламентариев того же пола, привело к недостаточной представленности женщин и негативно повлияло на соблюдение гендерных квот.

### **Профессиональный опыт женщин-депутатов.**

В данной секции рассматриваются, как (и, если) квоты повлияли на профессиональный опыт женщин, и появились ли какие-либо изменения в возрастной категории и этнической принадлежности депутатов. Также рассматривается процесс переизбрания женщин-депутатов.

#### *Гражданское общество*

Роль гражданского общества в процессе внедрения гендерных квот была очень важной. Тем не менее, традиционно, деятельность в сфере гражданского общества не приводила женщин в парламент. Все меняется в 2007 году, когда четыре женщины, ранее работавшие в НПО и международных организациях, стали депутатами. Несмотря на то, что ни одна из 4 не была переизбрана в 2010 году, количество мест, занимаемых членами организаций гражданского общества осталось прежними. Две из них считаются одними из самых влиятельных женщин в Кыргызстане - Асия Сасыкбаева, директор Международного центра «Интербилим», и Жылдызкан Джолдошева, глава благотворительного фонда «Курманжан Датка» (Озодагон, 2013 г.).

В целом, гендерные квоты открыли пространство для гражданского общества и при правлении очень авторитарного режима, и при более либеральной власти. Другими словами, позиции в гражданском обществе и статус, которые были предоставлены женщинам в 1990-е годы, были отражены в политических позициях и власти сегодня.

#### *Профессиональный опыт женщин-депутатов*

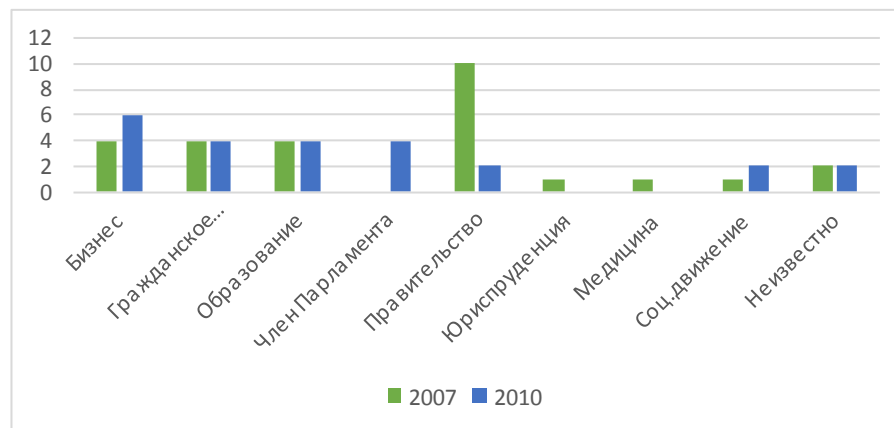
Анализ профессионального опыта женщин-депутатов показывает ряд отличий между избранными в 2007 году, и теми, кого избрали в 2010 году. Эти различия, от части, объясняются неконкурентной природой выборов 2007 года и высокой конкуренцией на выборах 2010 года.

В парламенте 2007 года большее количество мест было занято женщинами, ранее работавшими в центральном правительстве. В самом деле, большинство женщин в парламенте 2007 года ранее занимали политические посты в центральных и местных органах власти. Через свои позиции, женщины имели доступ к административным ресурсам. Это также содействовало развитию патронажной сети Бакиева, в которой ключевые позиции отдавались лояльным его режиму кандидатам. В результате, парламент 2007 года сыграл весьма ограниченную или нулевую роль в системе сдержек и противовесов власти. Пропрезидентская партия заняла 71 из 90 мест и легко контролировалась президентом (Джураев 2012 г, стр. 4-7).

Парламент 2010 года представлял другую картину. В самом деле, впервые большое количество женщин, боровшихся на выборах, представляли коммерческий сектор. Из-за конкурентного характера парламентских выборов 2010 года, политические партии должны были привлечь кандидатов с собственными финансовыми и социальными ресурсами. В то время как кандидаты в 2007 году могли рассчитывать на ресурсы партии, кандидаты на выборах 2010 года должны были искать свои собственные ресурсы для кампаний и агитировать на уровне всех слоев населения.

Как видно из Рисунка 1, большинство женщин, избранных в 2010 году, занимали высокие управленческие должности в коммерческих компаниях до выборов. Мы также видим замечательную долю женщин, ранее занимавших посты в правительстве. Женщины из образовательного сектора остались на том же уровне, как и женщины из гражданского общества.

**Рисунок 1**  
**Сфера деятельности женщин-депутатов до выборов: 2007 и 2010 гг.**



### *Возраст*

Опыт других стран показывает, что гендерные квоты, как правило, способствуют продвижению молодых женщин в политике (Мюррей 2010 г.; Бриттон 2005 г.; Бёрнс 2000 г.). Тем не менее, в Кыргызстане наблюдается обратная тенденция.

**Таблица 1.**  
**Возраст женщин-кандидатов на начало выборов: 2007 и 2010 гг.**

Возраст	2007	2010
До 30	4 (14.8%)	1 (4%)
30-39	5 (18.5%)	2 (8%)
40-49	7 (25.9%)	10 (40%)
50-59	9 (33.3%)	12 (48%)
60-69	2 (7.4%)	0 (0%)
Всего (n)	27 (100%)	25 (100%)

Как показано в таблице 1, средний возраст женщин-депутатов увеличился с 44 (без учета аутлайера = 66 лет и средний возраст = 45 лет с аутлайером) до 47,2 лет. Парламент 2010 года также старше и более однородный по возрасту, чем созыв 2007 года.

Согласно докладу *Safeworld* (2012 г.), молодые люди в значительной степени исключены из политики во многих государствах Центральной Азии. Они также видят отношение старшего поколения в качестве барьера для их участия в политике. Участие молодых женщин в «любой форме правления», рассматривается старшим поколением, особенно в сельских районах, как «культурно неприемлемое» (*Safeworld* 2012, III). Для борьбы с этой предвзятостью к молодежи, закон 2007 также включил 15% квоту для молодых людей. Тем не менее, культурный барьер оказался слишком высоким для многих потенциальных молодых женщин-депутатов.

#### *Этническая принадлежность*

Этническая представленность существенно не изменилась среди женщин-парламентариев с 2007 по 2010 год. В то время как парламент 2007 года включал шесть женщин нетитульной (кыргызской) нации (22,2%) из 27, в 2010 году пять (20%) женщин из 25 были не этническими кыргызками. Интересным, однако, является тот факт, что единственные этнические меньшинства, представленные в парламенте Кыргызстана, среди женщин являются русские. Количество этнических русских женщин-парламентариев составляло шесть в 2007 году и пять после парламентских выборов 2010 года. В то время, как узбеки составляют около 14% населения Кыргызстана, они занимали 11% мест в парламенте 2005 года (Садыбакасова, 2006 г.), но никогда не были представлены женщинами-парламентариями. Это может быть объяснено, во-первых, общей политической малопредставленностью узбеков в Кыргызстане. Как пояснил Шольц (2009 г.), политическая представленность узбекского меньшинства ограничивается «институционализированными барьерами для политического успеха, официального игнорирования требований граждан и добровольной политической изоляции из-за страха репрессий». Политическая нестабильность в международных отношениях с соседним Узбекистаном только ухудшает ситуацию крупнейшего меньшинства в стране. Как утверждает один из активистов узбекского меньшинства,

Почему мы должны вмешиваться в политику? Проблемы узбеков должны решаться на уровне сообщества. Люди боятся, что, став активными в политике, политическая борьба превратится в позиции «мы против них», узбеков против кыргызов (цитируется в Фумагали 2007 г., стр. 580).

Помимо общей малопредставленности узбекского меньшинства в политике, отсутствие политического участия женщин-узбечек может дополнительно объясняться более консервативным представлением о гендерных ролях в узбекских общинах. Чаррад (2011 г.) утверждает, что, хотя права женщин подавляются по всей Центральной Азии, существуют определенные различия между странами региона. Таким образом, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан являются более консервативными, чем Кыргызстан и Казахстан. Например, низкий уровень женской рабочей силы и уровень разводов, а также увеличение количества девочек, бросивших школу, изученные Гунеш-Аята и Эргюн (2009 г.), являются более распространенными в Узбекистане, чем в Кыргызстане. Несмотря на скромность исследований в отношении роли женщин в узбекских общинах, в частности, в Кыргызстане, исследования показывают, что идентичность людей в таких сообществах основывается на национальной (этническая принадлежность) идентичности, а не государственной (гражданственной) (Карлин ден Бланкен 2009 г.).

Несмотря на то, что парламенты 2007 и 2010 года не являются этнически разнообразными, сравнительный обзор предыдущих парламентов показывает, что последние два созыва (с квотой для меньшинств) имели наибольший процент представленности этнических меньшинств среди женщин (парламент 1990 года вряд ли можно брать во внимание из-за его недемократического набора). Среди мужчин парламентариев, число представителей меньшинств упало с 16 в 2007 году до 9 в 2010 году. Квоты для этнических меньшинств в размере 15%, введенные в то же время что и гендерные, были успешно достигнуты после выборов 2007 года (22 из 90 депутатов или 24,5%), но не после выборов 2010 года (14 из 120 или 11,7%).

### *Повторное избрание*

Переизбрание женщин депутатов относительно редко по сравнению с депутатами мужчинами явление. Только две женщины успешно избирались дважды до 2007 и 2010 года, и ни одна женщина-депутат не переизбиралась три раза, тогда как, 33 мужчины переизбирались более трех раз с 1991 года. При этом, четыре женщины были переизбраны из парламента 2007 года (две из четырех являются этнически русскими).

По мнению Медета Тюлегенова, эксперта по политике Кыргызстана, этот факт демонстрирует некоторые признаки институционализации присутствия женщин в политических партиях, это означает, что они не случайно отбирались перед выборами, а считались полноправными членами партии. Анализ переизбрания и его укоренения в качестве постоянного тренда зависит от его частоты во время будущих парламентских выборов. Выборы осенью 2015 года подтвердят или разрушат устойчивость данной тенденции.

### **Законодательная деятельность**

Несмотря на важность понимания того, в какой степени избранные парламентарии представляют общество, также важен анализ того, что они делают в парламенте после избрания. Действительно, квоты — это больше, чем просто цифры, они также являются «методом достижения более существенных целей» (Уорд 2006 г., стр.81). Но какие критерии следует использовать для измерения существенных изменений через гендерные квоты? Как заключает Уорд, есть короткие и долгосрочные цели, для решения которых и используются гендерные квоты. Таким образом, в краткосрочной перспективе «успехом может являться принятие законодательства и результаты политики» (Уорд 2006г., стр. 81). В отношении долгосрочных целей, автор подчеркивает трансформацию гендерных

отношений (Уорд 2006 г., стр. 81). Долгосрочные результаты представляют собой сложные изменения в социальных структурах, для которых требуется длительный период времени. Большинство исследований существенной представленности, однако, ориентированы на краткосрочные и среднесрочные результаты в законодательном контексте.

Чайлдс и Крук (2008 г., стр. 128) пытаются понять, как возникают различные возможности для существенной представленности и предлагают пять категорий. Среди них - роль законодательного контекста, который может ограничить или усилить шансы на «введение приоритетов в политические инициативы» (Чайлдс и Крук 2008 г., стр. 126). Роль институциональных норм и позиционной власти, рассматривается как определяющий фактор в ограничении или продвижении перспектив женщин в политику страны (Чайлдс и Крук 2008 г., стр. 128).

### *Представленность в комитетах*

Одним из самых важных факторов при анализе представленности женщин является степень, до которой женщины-парламентарии могут продвигать женские проблемы в законодательных инициативах (Франчесет и др. 2009 г., стр. 13). Политическое пространство для этого, однако, зависит от нескольких факторов, в том числе от институциональных правил и норм. Большинство важных законодательных дискуссий происходит в парламентских комитетах.<sup>7</sup> Парламентские комитеты, таким образом, являются важнейшими аренами, где женщины могут выразить свои политические предпочтения и влиять на законодательный процесс. Представленность женщин в таких комитетах может служить важным показателем их политических предпочтений и определить важные тенденции в разделении труда.

Членство женщин-депутатов в различных комитетах является разнообразным. Прежде всего, большинство женщин в 2007 году было представлено в трех комитетах: Комитет по труду, миграции и социальной политике (4); Комитет по молодежной, гендерной политике и спорту; и Комитет по безопасности, обороне и судебным реформам (3). Хотя представленность женщин в первых двух комитетах можно объяснить характером деятельности, которую они охватывают (т.е. так называемые «женские проблемы»), интересным является количество женщин в Комитете по безопасности, обороне и судебным реформам парламента 2007 года (5). Это может быть объяснено тем, что сравнительное большинство женщин в 2007 году имели юридическое прошлое, и, таким образом, возможно, работали в сфере правовой деятельности комитета, а не над вопросами безопасности или обороны. Однако ни одна женщина в 2007 году не была представлена в Комитете по энергетике и Комитете по экономическим вопросам и бюджету. В связи с этим, количество комитетов с представленностью женщин в 2007 году составляло 10 из 12, тогда как в 2010 году этот показатель изменился на 12 из 14.

Обзор парламента 2010 года представляет несколько иную картину. Прежде всего, женщины-депутаты были более равномерно представлены в комитетах. Таким образом, после 2010 года, женщины были представлены в двенадцати комитетах вместо десяти. Общее количество парламентских комитетов также возросло с 12 до 14. В двух комитетах не было женщин-членов, Комитет по судебной власти и верховенству закона и Комитет по борьбе с коррупцией. Большинство женщин-депутатов были представлены в тех же комитетах, что и в 2007 г. (труда, миграции и социальной политики (1); молодежной,

---

<sup>7</sup> Там же.



гендерной политики и спорту (4)). В то время как число женщин в Комитете по безопасности, обороне и судебным реформам сократилось, было некоторое увеличение женщин в комитетах, связанных с экономическими вопросами. Таким образом, женщины были представлены в Комитете по бюджетной и денежно-кредитной политике (2) и Комитете по бюджету и финансам (2).

Одним из потенциальных объяснений этому может быть тот факт, что больше женщин, избранных в парламент в 2010 году, пришли из экономического сектора. Стоит также отметить, что три из четырех женщин-депутатов, переизбранных в 2010 году, поменяли комитеты. Карамушкина от СДПК, состоявшая в Комитете по образованию, науке и культуре в 2007 и 2010 годах, перешла в комитет по безопасности и обороне в 2012 г. Исаева перешла из Комитета по международным отношениям и межпарламентским отношениям в Комитет экономического развития в 2010 году и далее в комитет по транспорту и связи в 2012 году. Скрипкина начала с Комитета обороны в 2007 году и перешла в комитет по конституционному праву в 2010 году, в 2013 году являлась членом комитета по международным отношениям. Ниязалиева являлась членом комитета по социальной политике (и аналогичным вопросам) за все время.

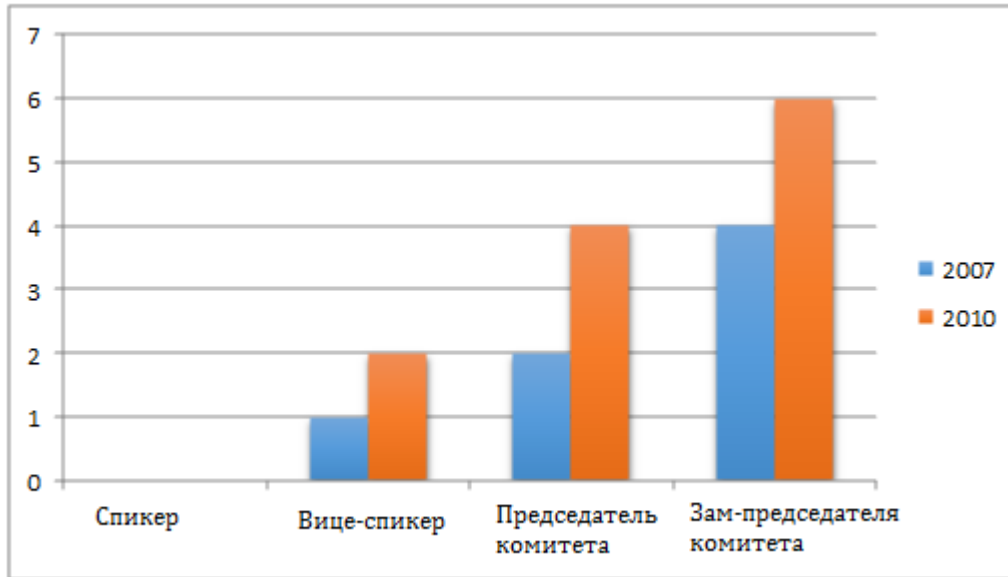
Вопросом при анализе представленности в различных комитетах является определение «женских проблем». Таким образом, в то время как нефеминистский подход будет уделять основное внимание проблемам, которые относятся к сфере частной жизни или более широкому обществу, феминисты подчеркивают политику, направленную на повышение самостоятельности и благосостояния женщин (Чайлдс и Крук 2009 г., стр. 133). Как видно в случае Кыргызстана, в то время как большинство женщин, как правило, состоят в комитетах, связанных с «женскими вопросами» (с нефеминистской точки зрения), некоторые женщины руководствовались личными интересами, а также образованием и профессиональной деятельностью. Эта тенденция поддерживается высказываниями нескольких депутатов и экспертов, которые говорят, что продвижение интересов женщин женщинами-депутатами, как правило, варьируется от депутата к депутату. Например, как заявляет Карамушкина, юридические дебаты о запрете на похищение невест не получали полной поддержки от всех женщин-депутатов. Важно отметить, что один из комитетов проиграл «гендер» в качестве вопроса для обсуждения в своем названии. После 2010 года, комитет по молодежной, гендерной политике и спорту был преобразован в комитет по образованию, культуре, науке и спорту. Это может иметь важное влияние на способность женщин продвигать свои интересы в политике. Действительно, как было замечено, в интервью с представителем женского гражданского общества, Татьяной Темировой, «гендерная политика испытала свое возрождение при первых выборах созыва с гендерными квотами. Введение важных законов против похищения невест, насилия в семье и появление гендерной экспертизы в парламенте, указывают на важность «гендера» в одном из комитетов».

### *Занимаемая позиционная власть*

Еще одним фактором при анализе возможностей женщин продвигать политические предпочтения в законодательстве, является власть, которую они занимают в парламенте. По мнению Мюррей, как правило, существует связь между занимаемой позиционной властью депутата и его/ее работой в парламенте (Мюррей 2010 г., стр. 109). Следовательно, увеличение количества женщин, занимающих высокие посты во власти, может интерпретироваться как повышение их статуса в законодательном органе. Мюррей (2010 г., стр. 109) далее утверждает, что позиционная власть парламентариев, как правило, связана с трудовым стажем. Таким образом, мужчины, как правило, занимают

большее количество высоких позиций во власти (Мюррей 2010 г., стр. 110). Анализ новоизбранных женщин показал, что позиционная власть двух из них увеличилась. Таким образом, в то время как ни одна из этих четырех женщин не занимала «сильных» позиций в парламенте 2007 года, две из них председательствовали в комитетах начиная с 2010 года. Это может быть признаком того, что позиционная власть, действительно, может в большей степени быть связана со стажем депутата, а не с его/ее полом.

**Рисунок 2.**  
**Позиционная власть женщин-депутатов: 2007 и 2010 гг.**



Как видно из рис 2., в 2010 году наблюдается увеличение количества женщин в «сильных» позициях власти. В сентябре 2013 года, две женщины занимали должности вице-спикеров, а четыре женщины являлись председателями комитетов, в то время как число вице-председателей комитетов возросло с 4 до 6. Одной из двух вице-спикеров, являлась, уже упомянутая, Асия Сасыкбаева - бывший директор международного центра «Интербилим». Кроме активного участия в парламенте, Сасыкбаева также баллотировалась на должность Омбудсмана в 2013 году и лидировала после первого тура, с поддержкой большинства парламентариев. Несмотря на проигрыш во втором раунде, многие из ее коллег, по-прежнему, отстаивают ее лидерство в этой позиции (Токтоналиев 2013 г.).

Тем не менее, роль неформальной политики также отслеживается во властных позициях парламента, и женщины не являются исключением. Чолпон Султанбекова, председатель Комитета по делам молодежи, гендерной политике и спорту до 2011 года и вице-председатель Комитета по науке, культуре и спорту, в 2013 году, является вдовой Баймана Эркинбаева, известного в качестве ключевой фигурой в сфере организованной преступности в Кыргызстане (Купатадзе 2010 г.). По данным газеты "Агым", Султанбекова также является одной из самых богатых женщин в Кыргызстане ("Агым газета", 2009 г.). Ыргал Кадыралиева, сестра Санжарбека Кадыралиева, которого также обвиняли в связях с организованной преступностью, являлась вице-председателем Комитета по делам молодежи, гендерной политике и спорту до 2011 года и стала инициатором скандальной

попытки запретить поездки зарубеж девочкам Кыргызстана в 2013 г. («Центральная Азия сегодня», 2013 г.).

Как показывает анализ законодательных позиций женщин в выборах 2007 и 2010 годов, ряд возможностей по продвижению политических предпочтений женщин в законодательные повестки дня формально увеличились. В настоящее время женщины представлены в более широком наборе комитетов, включая совершенно новые сферы, такие как энергетическая политика. Кроме того, распределение женщин в комитетах стало более сбалансированным: больше женщин представлено в традиционно мужских комитетах. Больше женщин занимают сильные политические позиции, такие как вице-спикер и председатель комитета. Анализ переизбранных в 2010 году женщин показал увеличение их позиционной власти после одного срока в парламенте.

## **Рекомендации**

### *Правительству Кыргызской Республики:*

- Успешная реализация гендерных квот основывается на их первоначальном дизайне. Отсутствие механизма замены кандидата, решившего уйти со своего поста, на кандидата того же пола, приводит к неспособности партий заполнить 30% мест в парламенте женщинами. Для того, чтобы избежать номинального присутствия женщин в партийных списках необходимо ввести новые правила, которые в том числе регулируют отставку депутатов и предусматривают механизм замены на депутата того же пола.
- Возможность женщин-депутатов переводить свои политические предпочтения в законодательную активность зависит от наличия платформ для обсуждения. Например, тот факт, что один из парламентских комитетов лишился «гендера» в своем названии привел к отсутствию специальной платформы для обсуждения вопросов гендера.

### *Политическим партиям:*

- Процесс создания партийных списков также важен, как и сами политические кампании. Наличие открытых и прозрачных механизмов составления списков кандидатов, а также непосредственное участие со стороны гражданского общества сможет повлиять на более демократические процессы политического рекрутинга.

### *Международным организациям:*

- Вовлечение женщин-депутатов в законодательный процесс сильно варьируется и зависит от множества таких факторов, как их образование и предыдущий профессиональный опыт. У множества депутатов, как женщин, так и мужчин, отсутствуют понятие гендерных ролей и их значения в контексте законодательства. Достижение лидерских позиций в комитетах, где и проходит основной процесс законодательного творчества, может быть недостижимым для женщин без соответствующего опыта. Для того, чтобы повысить уровень знаний женщин-депутатов и их уверенность в себе необходимо проведение специальных тренингов международными организациями по таким вопросам, как гендерная чувствительность, гендерный анализ и гендерное бюджетирование.

**Программа стипендий для Центральной Азии**

В Центральной Азии хронически и остро не хватает экспертов в сфере общественной политики. Возможности для молодых специалистов для совершенствования их аналитических навыков также ограничены. Отсутствие сформированного сообщества экспертов общественной политики, которое усугубляется растущим идеологическим непониманием между гражданским обществом и научными кругами, оказывает пагубное влияние на прозрачность и силу политических дебатов в Центральной Азии.

Программа стипендий CAP - SIPRI Северная Америка для Центральной Азии предназначена для молодых специалистов - ученых, правительственных чиновников, экспертов в сфере политики, прав человека и гражданских активистов, которые хотят усовершенствовать свои исследовательские и аналитические навыки и стремятся стать лидерами общественной политики в своих странах. В целом, программа стипендий направлена на создание платформы для обмена идеями и создания долгосрочных интеллектуальных связей между странами Центральной Азии и научными и политическими кругами США.

Программа длится пять месяцев и проходит в Школе международных отношений Эллиотта университета Дж. Вашингтона. Стипендиаты проходят ряд специально разработанных программ и знакомятся с политическим и экспертным сообществом США в Вашингтоне, округ Колумбия, и Нью-Йорке. Стипендиаты посещают несколько семинаров, практикумов и тренингов и должны написать одну аналитическую работу на заданную тему и представить свои исследования на публичных семинарах. На протяжении всей программы они тесно сотрудничают с сотрудниками Программы изучения Центральной Азии и SIPRI Северная Америка.

**Директора программы:**

Марлен Ларюэль, директор Программы Центральная Азия, Школа международных отношений Эллиотта, Университет Дж. Вашингтона

Шанталь де Йонг Удраат, Президент, Женщины и международная безопасность (WIIS)

**Консультативный комитет:**

Анастасия Хозяйнова, старший сотрудник программы, проект по Центральной Евразии, Фонд Открытого Общества

Генри Хейл, доцент политологии и международных отношений Университета Дж. Вашингтона

Светлана Джекссон, директор исследований Института Центральной Азии, Американский университет в Центральной Азии, Бишке

Эмиль Джураев, заместитель директора, Академия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Бишкек

Наргис Касенова, директор Центра изучения Центральной Азии, КИМЭП, Алматы

Кэтлин Кухнаст, директор Центра по гендерным вопросам и миростроительству, USIP

Нил Мелвин, директор Программы по управлению вооруженными конфликтами, SIPRI

Эмиль Насритдинов, и.о. доцент АУЦА